

ЛИЛЯ СПЕРАНСКАЯ

Лавка, которой вчера не было

Тетрадь первая.

Открыто, когда нужно

Пролог. До открытия

В четыре часа дождливого октябрьского утра белый фургон остановился у глухой стены между овощной лавкой и парикмахерской на Бергманштрассе.

Таролина заглушила мотор, посидела несколько секунд, слушая дождь по крыше, и сказала:

– Если на этот раз у нас опять нет туалета, я уезжаю.

Арканела ответила не сразу. Она дочитала страницу в блокноте, провела под последней строкой черту и закрыла блокнот.

– Туалет во дворе.

– Значит, его нет.

– Он существует.

– В ноябре ты почувствуешь разницу.

Сзади ударили лапой по решётке переноски.

– Если хозяйственная часть совещания завершена, – произнёс Мур, – прошу выпустить старшего члена экспедиции. Здесь пахнет резиной, мокрым войлоком и вашим презрением к расписанию.

Таролина открыла боковую дверь. Мур вышел первым, ступил в лужу и остановился с поднятой лапой.

– Занесите, – сказал он. – Прибытие состоялось в четыре часа семь минут. Погода враждебная. Место выбрано без учёта достоинства участников.

– Ты сам выбрал место, – напомнила Таролина.

– Я указал квартал. Стена – ваша инициатива.

За стеной помещалась узкая комната, которой с улицы ещё не было. Входили через двор: Таролина отперла железную дверь рядом с мусорными баками, включила фонарь на телефоне и подняла первый ящик. Внутри пахло сырой штукатуркой. У дальней стены тянулась старая медная труба; на муфте собиралась вода, тяжело повисала и падала в пустую банку из-под краски.

Капля ударяла о жесть раз в пять секунд.

Мур дослушал три раза.

– Нет.

– Содержательно, – сказала Таролина. – Подвинься.

Она поставила под трубу синее ведро. Арканела вошла следом со стопкой плоских коробок и сразу увидела тёмное пятно на полу.

– В формуляре значилось сухое помещение.

– Оно и есть сухое. Течёт труба.

– Вода находится внутри помещения.

– Поэтому утром я позвоню сантехнику.

– Утром мы откроемся.

Таролина посмотрела на сестру. Арканела уже снимала с коробок промокшую ткань. На ней было тёмное платье, застёгнутое до горла; подол успел собрать воду во дворе, и теперь она оставляла за собой след.

– Арканела, люди сначала чинят трубу, потом раскладывают пятисотлетнюю бумагу.

– Люди делают многое в неверном порядке.

– А потом вызывают аварийную службу.

Мур обошёл ведро, выбрал сухую доску и сел. Таролина вернулась к фургону.

Они носили ящики до рассвета. Арканела принимала каждый обеими руками, читала номер и ставила на заранее выбранное место. Таролина меняла места, если ящик мешал пройти, и дважды переставила те, которые сестра считала уже размещёнными. Мур записывал ход работ в толстую тетрадь. Когда дождь усиливался, он ложился на страницу и объявлял перерыв по условиям хранения архива.

К шести появились прилавки, лампа с зелёным стеклом и узкие шкафы со множеством плоских ящиков. За занавеской Таролина нашла раковину, две конфорки и матрас, свёрнутый у стены.

– Одна кровать, – сказала она.

– Ты водила. Ложись первой.

– Я про следующие три месяца.

Арканела поправила край скатерти на прилавке.

– Мы найдём вторую.

– Как нашли сантехника?

Капля упала в ведро.

Мур поднял голову.

– Я намерен проживать в торговом зале.

– Никто не возражает, – сказала Таролина.

– Прошу отметить добровольное признание моего особого статуса.

Перед открытием Арканела достала из внутреннего кармана ключ. Он был длинный, тёмный, с бородкой старого рисунка. В стене со стороны комнаты замка пока не было. Она приложила ключ к штукатурке и подождала.

Сначала проступила вертикальная щель. Затем ещё три: прямоугольник, человеческого роста. Штукатурка внутри него потемнела, стала стеклом, деревом, латунию. На улице зажётся тёплый свет.

Таролина вышла на тротуар и отошла к краю мостовой. Между овощной лавкой и парикмахерской стояла узкая витрина. За стеклом виднелись прилавки, лампа и полосатый кот, который уже устроился на стопке книг.

– Слишком прилично, – сказала она. – Подумают, что дорого.

Она достала из кармана мел и написала на стекле: *Geöffnet, wenn nötig.*

Арканела прочла изнутри.

– Криво.

– Зато понятно.

– Кому?

Таролина закрыла дверь, проверила ручку и посмотрела на пустую утреннюю улицу. В овощной лавке за стеной загремела металлическая штора.

– Увидим.

В подсобке капнула труба.

1. Три дня

Анна назначила встречу на десять и прислала приглашение без темы. В половине десятого Ася увидела в переговорной Сабину Крюгер из отдела кадров и поняла, зачем её позвали.

До десяти оставалось двадцать восемь минут. Их она потратила на работу.

Проверила титры к видеоролику, вернула дизайнеру фамилию фотографа, которую тот потерял при последней вёрстке, ответила музею в Лейпциге и перенесла встречу с монтажёром. Потом закрыла почту, достала блокнот и пошла в переговорную.

Комната называлась *Wolke*. На стеклянной двери было наклеено белое облако; внутри стояли круглый стол, четыре серых стула и фикус, который поливали по обязанности, без интереса. Анна сидела напротив окна. Сабина разложила перед собой папку и стакан воды.

– Привет, Ася, – сказала Анна. – Спасибо, что смогла так быстро.

– Я работаю через две комнаты.

Анна улыбнулась. Сабина посмотрела в папку.

В стекле переговорной отразилась невысокая женщина в тёмно-синем костюме свободного кроя. Русые волосы после дождя легли хуже, чем утром; Ася пригладила их ладонью, села, положила блокнот перед собой и сняла колпачок с ручки.

– Говорите.

Сабина сообщила, что договор Аси заканчивается тридцать первого декабря, как было предусмотрено с самого начала. Финансирование проекта закрыто. Компания изучила возможность перевести её в другой отдел, подходящей позиции сейчас нет. Поэтому новый договор предложить не смогут.

Она говорила чистым немецким языком отдела кадров: точные слова, гладкие фразы, никакого края, за который можно ухватиться.

Ася записала дату.

– Когда принято решение?

Анна взяла свой стакан, хотя воды в нём не было.

– Окончательно – в пятницу.

– А предварительно?

– Мы обсуждали разные варианты.

– На прошлой неделе ты поставила меня руководить январской презентацией.

– Тогда вариант ещё оставался.

Сабина подняла глаза от папки. Анна провела большим пальцем по краю пустого стакана.

– Я не хотела тревожить тебя раньше времени.

– Понятно.

Ася записала ещё одно слово: *пятница*.

Они договорились о передаче проекта, оставшемся отпуске и рабочей характеристике. Сабина напомнила про регистрацию в Agentur für Arbeit. Даже если компания обещала продолжение, зарегистрироваться следовало заранее.

– Сегодня сделаю, – сказала Ася.

– Лучше сегодня, – подтвердила Сабина. – В договоре дата была известна.

Сабина уже снова смотрела в папку. У Аси загорелись щёки. Срок стоял в её договоре. Анна несколько месяцев говорила о продлении как о решённом деле, и Ася поверила человеку вместо даты в документе.

– Что-нибудь ещё? – спросила она.

Анна наклонилась вперёд.

– Я хочу, чтобы ты знала: это никак не связано с качеством твоей работы.

– Хорошо.

– Мы очень тебя ценим.

– Тогда напишите сильное Arbeitszeugnis.

Сабина впервые улыбнулась.

– Напишем.

Встреча заняла двадцать три минуты.

За своим столом Ася открыла сайт Arbeitsagentur, нашла нужную форму и зарегистрировалась как ищущая работу. Система попросила дату окончания договора, профессию, образование и согласие на обработку данных. В последнем поле можно было добавить сообщение. Ася написала, что работодатель до третьего октября сообщал о вероятном продлении. Перечитала и убрала слово *вероятном*: работодатель сообщал о продлении. Отправила.

Потом закончила титры.

К четырём в офисе знали все. Кто-то поставил рядом с её клавиатурой шоколадку, кто-то предложил выпить вечером, двое сказали, что ей давно пора делать собственное. Ася благодарила и продолжала собирать общую папку проекта.

Анна разрешила ей уйти раньше. Формулировка прозвучала как уступка, и Ася осталась до половины шестого.

На улице шёл дождь. Она раскрыла зонт, дошла до угла, закрыла его и понесла в руке: ветер всё равно загонял воду под рёбра. До дома было меньше получаса. Бергманштрассе лежала по дороге, и Ася выбрала её из привычки, хотя в этот час там приходилось обходить столики, велосипеды и людей, которые внезапно останавливались посреди тротуара.

У овощной лавки хозяин затаскивал под навес ящики с виноградом. Он кивнул:

– Добрый вечер, Ася.

– Добрый вечер, Джем.

Через два шага она остановилась.

Между овощами и парикмахерской всегда была стена: метра четыре серой штукатурки, водосточная труба, след от снятой вывески. Теперь там горела витрина.

Она вернулась к Джему.

– Когда здесь открыли магазин?

Он держал ящик обеими руками и смотрел туда, куда она показывала.

– Какой?

– Вот этот.

– А. – Джем поставил виноград на землю. – Сегодня, наверно.

Утром была машина.

– Что здесь раньше было?

– Ничего. Склад, может быть.

Он уже тянулся за следующим ящиком. Ася достала телефон. На карте между овощной лавкой и парикмахерской оставался узкий технический проезд во двор. Названия магазина не было.

В витрине стояла одна карта. Человек в рваной одежде шагал, задрал лицо; за плечом у него висел узел, у ног прыгал белый зверёк. На стекле мелом было написано: *Geöffnet, wenn nötig.*

Открыто, когда нужно.

Ася сфотографировала витрину. Телефон сразу предложил выровнять горизонт. Она выровняла, сохранила снимок и взялась за ручку.

2. Медная труба

Колокольчик над дверью звякнул один раз.

Внутри было теплее, чем на улице, и теснее, чем обещала витрина. Вдоль стен стояли шкафы с плоскими ящиками. На прилавке горела лампа под зелёным стеклом, рядом лежали рулон кассовой бумаги, терминал и надкусанное яблоко.

Из-за занавески в глубине донёлся металлический удар.

– Наконец-то, – сказала женщина. – Проходите сюда. Только осторожно, ведро полное.

Она появилась с синим ведром в обеих руках. Короткие тёмные волосы прилипли ко лбу, рукава свитера были закатаны. Женщина увидела Асю и остановилась.

– Вы не сантехник.

– Нет.

– Жаль.

Она понесла ведро к раковине. За занавеской капала вода.

– У вас течёт?

– Труба. Потолок сухой, хозяин помещения может спать спокойно. А я пока нет.

Ася отодвинула занавеску. В крошечной подсобке стоял матрас, заваленный одеждой, две чашки, электрическая плитка и стремянка. Вдоль стены шла старая медная труба. На соединении собиралась капля.

– Нужен мастер, – сказала Ася.

– После второго ведра я тоже догадалась.

– Перекрыть воду пробовали?

– Вентиль во дворе, под замком. Хозяин приедет утром. Вы что-то хотели купить?

– Я хотела понять, откуда здесь магазин.

Женщина вытерла руки о джинсы.

– Из фургона. Три часа, если не спорить со старшей сестрой.

Пять, если спорить.

– Я про помещение. Здесь была стена.

– Со стороны улицы – да.

Таролина поставила ведро под трубу.

– Таролина, – сказала женщина и протянула мокрую руку.

Потом посмотрела на ладонь, вытерла её ещё раз и протянула снова.

– Ася.

– Я знаю.

– Откуда?

– Не знаю. – Таролина нахмурилась. – Значит, сестра сказала.

Арканела!

Из тёмного прохода между шкафами вышла вторая женщина. Она была выше Таролины и старше лет на десять. Тёмное платье застёгивалось от воротника до пояса на множество мелких пуговиц; такие Ася видела на старых портретах. В руках женщина держала стопку карт, перевязанную выцветшей лентой.

– Ты называла имя? – спросила Таролина.

Арканела посмотрела на Асю.

– Нет.

– Тогда откуда я его знаю?

- Вероятно, услышала на улице.
- На улице Джем назвал меня по имени, – сказала Ася.
- Таролина коротко рассмеялась.
- Это Джем. Он знает всех на этой улице.
- Вы давно его знаете?
- Достаточно.

Арканела положила карты на прилавок и выровняла стопку. У неё были длинные руки с коротко остриженными ногтями; на указательном пальце темнело пятно типографской краски.

- Вы промокли, – сказала она. – Снимите пальто.
- Я ненадолго.
- Посмотрим.
- Арканела, – сказала Таролина. – Пожалуйста, сегодня без этой интонации.
- Какой?
- Будто человек уже согласился участвовать.

Ася перевела взгляд с одной на другую. В глубине, на стопке книг, лежал крупный полосатый кот с белой грудью. Он следил за разговором, положив подбородок на лапы.

- Что это за магазин? – спросила Ася.
- Лавка карт, – ответила Арканела.
- Каких?
- Разных, – сказала Таролина. – Игральных, гадальных, испорченных, недоделанных, чужих. Новые тоже продаём, иначе аренду пришлось бы платить преданиями.
- Мы не гадаем, – добавила Арканела.
- Я не спрашивала.
- Спросите через минуту. Обычно спрашивают.

На прилавке лежала карта из витрины. Вблизи она выглядела старше: шероховатая бумага, краска чуть съехала с контура, края потемнели от рук. Номер вверху отсутствовал; внизу стоял ноль, напечатанный позднее другим шрифтом.

Ася взяла карту за край.

– Это Дурак?

– Вы знаете карты, – сказала Арканела.

– Знаю эту. Её трудно перепутать.

– Многие путают.

– С чем?

– С человеком, которому нечего терять.

Таролина поставила пустое ведро под трубу.

– А у него, между прочим, весь узел за плечом. Просто имущества мало.

Ася положила карту на прилавок.

– Сколько она стоит?

– Она не продаётся, – сказала Арканела.

– Тогда зачем в витрине?

– Чтобы её увидели.

– Выставить вещь без цены – прекрасный способ узнать, сколько за неё готовы заплатить, – заметила Таролина из подсобки.

Арканела выровняла карту относительно края прилавка. На улице проехал автобус; свет скользнул по стеклу и погас.

У Аси зазвонил телефон. Анна.

Она ответила по-немецки. Оказалось, в титрах всё-таки пропустили ещё одно имя, а музей ждал файл до семи. Ася положила телефон на прилавок, открыла почту, нашла последнюю версию и продиктовала Анне, что исправить. Карта

мешала, и Ася взяла её в руку. Разговор занял меньше двух минут.

– Мне надо идти.

– Конечно, – сказала Таролина. – Если знаете нормального сантехника, пришлите номер. В интернете все либо свободны через три недели, либо хотят приехать через десять минут за двести евро.

Ася нашла контакт мастера, который когда-то менял ей смеситель, и переслала на номер, продиктованный Таролиной.

– Он перезвонит завтра. Скажите, что старая медь и течёт на соединении. Фотографию тоже пошлите.

– Люблю людей, которые знают, что говорить мастеру.

Ася надела пальто. Кот на книгах проводил её глазами.

У двери Арканела спросила:

– Вы вернётесь?

– Зачем?

– За картой.

– Она на прилавке.

– Позволю себе уточнить, – сказал кот за её спиной. – Карта у вас в правой руке. Для первого визита наблюдательность удовлетворительная.

Ася посмотрела на свою руку.

Она держала Дурака.

Кот сел, обернул хвост вокруг лап и добавил:

– Мур. Просто Мур. Когда придёте разоблачать, подготовьтесь лучше.

3. Ноль

На улице Ася остановилась под навесом парикмахерской и раскрыла ладонь.

Карта лежала поперёк перчатки. Человек в жёлтом колпаке шагал вправо, перекинув через плечо палку с узлом. Сзади к его штанине тянулся белый зверь. На старых марсельских картах так изображали собаку; здесь морда получилась круглой, уши короткими. Художник либо плохо знал собак, либо хорошо знал котов.

Ася вернулась к двери. Ручка осталась неподвижной. За стеклом горела лампа, Таролина выливала ведро, Арканела стояла к улице спиной. Ася постучала. За стеклом всё продолжалось по-прежнему.

Мур посмотрел прямо на неё и закрыл глаза.

Она убрала карту во внутренний карман.

Дома всё осталось так, как утром: две чашки на сушилке, пальто Мартина на крайней вешалке, хотя самого Мартина здесь не было с июня, коробка его инструментов в кладовой. Ася поставила чайник, сняла мокрые вещи и открыла снимок витрины.

Фотография вышла чёткая: белая надпись на стекле, карта на подставке, лампа. В глубине виднелась Арканела, размытая движением. В метаданных стояли время и адрес.

Ася увеличила карту. Поиск по изображению показал десятки Дураков: Уэйт–Смит с белой собакой у обрыва, Марсель с животным у ноги, Висконти без номера, современные колоды с чемоданами, велосипедами, космонавтами и голыми женщинами. Её карта не совпала ни с одной.

Она положила её рядом с ноутбуком и набрала: *говорящий кот Мур Берлин магазин карт*.

Поиск предложил зоомагазины, ветеринарную клинику в Шпандау и несколько страниц о романе Гофмана. Ася перешла по одной из ссылок. Реальный кот умер в 1821 году. Вторая часть «Житейских воззрений» вышла в том же году. Гофман собирался написать третью и умер следующим летом.

Эти даты она знала. В пятнадцать лет Ася дочитала второй том в поезде Москва–Петербург, перевернула последнюю страницу и решила, что в книге отсутствуют ещё листы. Проводница помогла вытряхнуть рюкзак, потом объяснила, что роман оборван. Ася рассердилась на давно умершего немецкого писателя и до Петербурга читала начало заново, чтобы найти место, где он обязан был догадаться, что времени мало.

Теперь кот из магазина назвался именем героя этой книги и предложил подготовиться к разоблачению.

Позвонила мать. На экране появилось московское окно, заставленное геранью; Елена Николаевна держала телефон слишком близко, поэтому сначала были видны только лоб и очки.

- Подожди, я тебя поставлю. Ты меня видишь?
- Вижу половину.
- Половины хватит. Я сегодня закрыла дачу.

Мать повернула телефон. На кухонном столе стояли банки, пакеты с яблоками и ящик зелёных помидоров, которые предстояло дозревать в квартире. Герань с дачи заняла весь подоконник.

– Зачем столько помидоров?

– А бросить? Они хорошие. Дойдут. Ты пальто забрала из чистки?

– Забрала.

– Покажи.

– Мам, оно висит в коридоре.

– Встань и покажи. Вдруг они пятно оставили.

Ася отнесла телефон в прихожую и показала серое пальто в чехле. Мать велела расстегнуть молнию, осмотрела рукав через экран и успокоилась.

– Мартину яблоки нужны? Я могу передать с Леной, она в конце месяца летит.

Ася поправила плечики.

– У него свои.

– Откуда в Берлине антоновка?

– Значит, не антоновка.

– Ты спроси. Я всё равно много собрала.

Мать перешла к квитанциям, соседке сверху и записи к окулисту. Ася слушала, вставляя короткие ответы. О работе Елена Николаевна спросила в конце:

– У вас там всё спокойно?

– Всё нормально. Проект заканчиваем.

– А следующий?

– Обсуждают.

Проект действительно обсуждали. Асю в этот разговор уже не включали.

– Ты только заранее узнай, – сказала мать. – Чтобы потом за два дня не бегать.

– Узнаю.

После звонка Ася ещё минуту держала телефон в руке. Потом вернулась к ноутбуку. На столе лежали карта, конверт и фотография стены.

В семь Анна прислала исправленный ролик. Имя фотографа вернулось в титры, зато исчезло имя переводчицы. Ася написала дизайнеру и получила ответ с извинением через три минуты.

Чайник отключился. Ася заварила чай, открыла форму для четырёх заявок и до одиннадцати отправила две. В третьей требовали мотивационное письмо на полторы страницы. Она сохранила черновик и закрыла ноутбук.

Карта осталась на столе.

Перед сном Ася убрала её в ящик с канцелярией. Потом вернулась, переложила в конверт и написала на нём адрес лавки и дату.

Утром конверт лежал там, где она его оставила.

По дороге на работу Ася вышла на Бергманштрассе на десять минут раньше. Между овощной лавкой и парикмахерской была стена. Серая штукатурка, водосточная труба, прямоугольник более светлой краски от старой вывески. На мокром тротуаре стояли ящики Джема.

Ася открыла вчерашний снимок.

Вместо витрины на фотографии была та же стена.

Она проверила дату. Проверила соседние кадры. На предыдущем виднелся экран в переговорной *Wolke*, на

следующем – её мокрый ботинок, снятый случайно. Между ними стояла стена с меловой надписью, сделанной прямо по штукатурке: *Geöffnet, wenn nötig*.

Карты в кадре не было. Лампы тоже.

Джем выставял яблоки.

– Магазин уже закрылся? – спросила Ася.

Он посмотрел на стену.

– Какой магазин?

– Вчера здесь была витрина.

– Вчера была машина. Белая. Мебель таскали через двор.

Может, ремонт.

– Ты видел двух женщин?

– Одну. Молодая, с телефоном. Просила ключ от двора. У хозяина был.

– А кота?

– Кота здесь много.

Джем выбрал из ящика яблоко с тёмным боком и положил отдельно.

– Ася, тебе что-то надо от них?

– Вернуть вещь.

– Тогда придут.

Джем вернулся к яблокам.

Ася пошла на работу. В метро она достала телефон ещё раз. Фотография не изменилась.

4. Ключ Мартина

Мартин предложил встретиться у него, но Ася выбрала кафе возле Херманплац. Дома у него пришлось бы снимать обувь, видеть знакомую кухню и спрашивать, как прошла неделя у Леа. В кафе можно было вернуть ключ, выпить кофе и уйти.

Он пришёл раньше и занял столик у окна. Перед ним стояла вода, кофе он ждал вместе с ней. Мартин всегда умел делать мелкие вещи так, что они не выглядели заслугой.

– Ты подстригся, – сказала Ася.

– В августе.

– Значит, удачно.

Он улыбнулся и поднялся, чтобы обнять её. Ася уже вытянула руку к стулу; объятие превратилось в короткое касание плеч.

– Как ты? – спросил он.

– Хорошо.

– Тогда почему у тебя лицо для Gesprächstermin?

– Я возвращаю ключ.

Она положила его на стол. На кольцо висел маленький красный карабин, который Мартин купил после того, как Ася однажды сорок минут искала ключи в подкладке сумки.

Он накрыл ключ ладонью.

– Я думал, ты потеряла.

– Нет.

– Четыре месяца?

– Он лежал в другом пальто.

– А пальто где?

– У меня.

Официантка принесла два кофе. Мартин подождал, пока она отойдёт.

– Что случилось?

Ася размешала пену ложкой, хотя сахар не брала.

– Договор не продлят.

– Когда сказали?

– Вчера.

– Анна?

– Анна и HR.

– До конца декабря ты работаешь?

– Да. Потом посмотрим.

Он кивнул. Срочный договор и возможность переехать к нему остались за пределами разговора. Потом он спросил:

– Тебе помочь с Bewerbungen? Прочитать, позвонить кому-то?

– Я сама.

– Я знаю.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Может, я всё равно могу помочь.

Ася положила ложку на блюдце.

– Мне нужна твоя коробка с инструментами.

Мартин моргнул.

– Вот теперь похоже на просьбу.

– Она осталась в кладовой. Я могу привезти в выходные, но сначала хочу взять разводной ключ.

– Что сломалось?

– У знакомых течёт медная труба на соединении.

– У каких знакомых?

– Новых.

– Ты хочешь сама подтянуть старую медную трубу?

– Посмотреть.

– Не трогай её. Если муфта старая, сделаешь хуже. Перекрыть воду, снять давление, потом мастер.

– Я уже дала номер мастера.

– Тогда зачем ключ?

Ася посмотрела в окно. По Карл-Маркс-штрассе медленно шёл автобус; за стеклом сидели люди в мокрых куртках.

– Не знаю.

Мартин отпил кофе.

– Это на тебя не похоже.

– Поэтому я и беру инструменты.

– Логично.

Ася подтянула к себе чашку.

Они просидели ещё двадцать минут. Мартин рассказал о Леа, которая решила бросить флейту и заняться барабанами; Ася спросила про клинику. Про июнь так и не заговорили.

У метро Мартин отдал ей красный карабин.

– Это твой.

– Он был на твоём ключе.

– Я покупал для тебя.

Ася сунула карабин в карман.

– Коробку привезу в воскресенье.

– Не срочно.

– Мне срочно.

Он хотел что-то сказать, передумал и поднял руку на прощание.

В воскресенье Ася перебрала инструменты. Вытерла отвёртки, сложила свёрла по размеру, выбросила пустую упаковку дюбелей. Разводной ключ оказался тяжёлым, с пятнами ржавчины у винта. Она положила его сверху.

Конверт с картой лежал в ящике стола. Ася проверила.

5. Четверг

Дверь вернулась в следующий четверг.

Ася увидела её из автобуса, вышла на остановку позже и прошла квартал обратно. На стекле белела та же надпись. В витрине вместо карты стояла чашка с треснувшей ручкой и засохшей веткой мяты.

Конверт лежал в сумке. Разводной ключ – тоже. Ася взяла его из коробки утром и весь день носила с собой рядом с ноутбуком.

Таролина встретила её у двери подсобки.

– Я решила, вы больше не придёте.

– Я пришла вернуть карту.

– Ладно. Заходите.

Она выглядела уставшей. Под глазами залегли тени, на правом запястье была полоска пластыря. Ведро под трубой наполнилось на треть.

– Мастер звонил? – спросила Ася.

– Звонил. Попросил адрес. Я дала. Он сказал, что такого номера помещения нет. Обещал уточнить и пропал.

– Номер существует со двора.

– Я ему это тоже объяснила. Он решил, что я из тех клиентов, которые начинают знакомство с испытаний.

Ася достала ключ.

– Могу посмотреть соединение.

– Вы сантехник по четвергам?

– Мне сказали ничего не трогать. Я хочу понять почему.

– Вот это уже совсем наш профиль, – сказал Мур с подоконника.

Сегодня он лежал на сложенном пледе. Рядом стояла миска с остатками курицы. При миске и пледе говорящий кот казался обычным жильцом.

Ася положила на прилавок конверт.

– Начнём с вас.

– Похвальная последовательность, – сказал Мур. – Большинство начинает с вопроса, умею ли я предсказывать результаты выборов, биржевой курс и возвращение неверного супруга. В указанном порядке.

– Вы называете себя Муром и говорите, что вам больше двухсот лет.

– Я сообщил имя. Возраст вы восстановили самостоятельно.

– Ваш биограф жил неподалёку.

– На углу Таубенштрассе и Шарлоттенштрассе. Пешком это полчаса.

– Вы хотите сказать, что вы кот Гофмана?

Мур облизал грудь, прежде чем ответить.

– Я уже сказал достаточно.

– Реальный кот умер тридцатого ноября 1821 года.

– Благодарю. Я присутствовал.

Ася посмотрела на Таролину. Та проверяла сообщения в телефоне и слушала.

– Он всегда так отвечает?

– Когда не знает – длиннее.

Мур перестал умываться.

Из глубины вышла Арканела. Сегодня на ней были чёрные брюки и мужская белая рубашка с закатанными рукавами. Без тёмного платья она казалась моложе и гораздо более уставшей.

– Вы принесли карту, – сказала она.

Ася вынула Дурака из конверта. Арканела посмотрела на дату и адрес, написанные снаружи.

– Вы подписали место.

– Чтобы вернуть владельцу.

– У карты нет владельца.

– Тогда кому я её возвращаю?

– Лавке.

– Что такое лавка?

Арканела ответила:

– Место, где вещь сохраняет дорогу к человеку.

– Магазин, который переезжает чаще, чем разумно, – сказала Таролина.

– Учреждение с неудовлетворительным архивным порядком, – добавил Мур.

– Три ответа, – сказала Ася. – И всё мимо.

– Мой нормальный, – возразила Таролина. – У нас Gewerbe, касса и арендодатель, который считает квадратные метры иначе, чем рулетка.

– Почему дверь исчезает?

– Она открывается, когда нужно, – сказала Арканела.

– Кому?

– Этого заранее никто не знает.

– Очень удобное правило. Любое совпадение подходит, любое опровержение означает, что было не нужно.

Арканела взяла карту и положила на середину прилавка.

– Поэтому я не прошу вас верить.

– Ты уже решила, что она вернётся, – сказала Таролина.

– Она вернулась.

– После того как ты дала ей карту, которая возвращает людей.

– Карты никого не возвращают.

– Тогда зачем дала?

Арканела выровняла карту по краю прилавка.

– Потому что она взяла.

– Я держала её во время звонка, – сказала Ася. – Это не согласие.

– Слышала? – Таролина указала на Асю телефоном. – Она держала, а не брала.

Сёстры замолчали. За занавеской капнула труба.

Ася достала разводной ключ.

– Воду можно перекрыть?

Таролина убрала телефон.

– Теперь можно. Хозяин открыл дворный вентиль и велел не трогать без мастера.

– Правильно велел, – сказала Ася и положила ключ рядом с картой. – Я договарюсь, чтобы мастер пришёл со мной. В субботу.

– Вы не обязаны, – сказала Арканела.

– Знаю.

– Тогда зачем?

Ася посмотрела на ведро, на пластырь у Таролины, на миску Мура и матрас, край которого торчал из-за занавески.

– Хочу увидеть, что будет.

Она вышла. Пройдя два дома, остановилась и проверила карман.

Дурак лежал внутри, хотя Ася оставила его на прилавке.
Разводного ключа в сумке не было.

6. Сантехник

Мастер согласился приехать в субботу между девятью и двенадцатью. Таролина прислала фотографию трубы, крупным планом и без всего остального. На снимке была видна медь, старая муфта и зелёный след окисления. Мастер ответил, что сначала посмотрит; если соединение разошлось, ключом туда лучше не лезть.

Ася переслала сообщение Таролине.

Я знала, что вы человек, которому можно доверить катастрофу, – написала та.

В субботу в половине одиннадцатого позвонил господин Левандовски. Он стоял у овощной лавки в рабочей куртке, с серым чемоданом на колёсах. Ася увидела его из кафе напротив и перешла улицу.

Лавка была на месте. В витрине горела лампа, за стеклом висела табличка *Heute geöffnet*. Таролина заметила Асю и подняла большой палец.

– Вот сюда, – сказала Ася мастеру.

Он посмотрел на стену.

– Куда?

– В магазин.

– Какой магазин?

Ася указала на дверь. Её палец остановился напротив латунной ручки.

– Здесь.

Господин Левандовски перевёл взгляд со стены на Асю. За его плечом Джем складывал хурму в пирамиду.

– Адрес ещё раз.

Ася назвала номер дома и добавила: помещение со двора, между овощами и парикмахерской.

– Со двора вход есть?

– Есть.

– Пойдёмте.

Они прошли под аркой. Во дворе стояли велосипеды, контейнеры, детская коляска под чехлом. На месте двери, через которую Таролина вносила ящики, висели навесной замок и старая табличка *Keller*.

Ася позвонила Таролине.

В витрине за стеной та посмотрела на экран. Телефон Аси продолжал гудеть. Таролина провела пальцем по стеклу, набрала сообщение.

Я вас вижу. Кого вы привели?

Ася показала экран мастеру, потом поняла, что это ничего не доказывает.

– Клиент передумал? – спросил он.

– Нет. Она внутри.

– В подвале?

– В магазине.

Он снял перчатку, потёр переносицу и посмотрел на часы.

– Я обойду дом.

Они обошли. На Бергманштрассе Ася по-прежнему видела витрину. Господин Левандовски видел стену и светлое пятно от

старой вывески. Когда он вставал прямо перед дверью, его тело заслоняло Таролину, но отражение в стекле не появлялось.

– Извините, – сказала Ася.

– Бывает.

Господин Левандовски застегнул рабочую куртку.

– Пришлите счёт за выезд.

– Вы уверены, что всё в порядке?

– Уже нет.

Он записал её электронный адрес и ушёл к машине. Серый чемодан застучал по плитке.

Ася подождала, пока мастер свернёт за угол, и дёрнула ручку лавки. Дверь открылась сразу.

– Кого вы привели? – повторила Таролина.

– Сантехника.

– Где он?

– Уехал. Он видел стену.

Таролина посмотрела мимо неё на улицу.

– Прекрасно.

– Для кого?

– Я ругаюсь вежливо.

– Я заплачу за выезд человеку, которого вы попросили вызвать. Я стояла рядом с дверью, показывала её, а он решил, что у меня что-то с головой.

Из подсобки вышла Арканела. В руках у неё был Асин разводной ключ.

– Значит, ему не нужно было входить.

Ася закрыла дверь. Колокольчик резко звякнул.

– Не говорите так.

– Я объясняю правило.

– Вы превращаете чужое унижение в правило. Это проще.

Арканела замерла. Ключ лежал у неё на ладони тяжёлой ржавой скобой.

– Я не хотела вас унижить.

– Тогда не объясняйте мне, зачем это понадобилось.

Таролина сняла с крючка куртку.

– Я оплачу счёт.

– Из чего? – спросила Арканела.

– Из денег.

– Сегодня срок аренды.

– Я помню.

– И терминал снова удержал выплату.

– Тоже помню.

Сёстры смотрели друг на друга. Мур лежал на полке, прижав уши. В подсобке падали капли.

Ася взяла у Арканелы ключ.

– Счёт оплачу я. Это мой вызов.

– Нет, – сказала Таролина.

– Да.

– Вы и так потратили утро.

– Раз уж я здесь, расскажите, как устроена дверь.

Таролина засунула руки в карманы куртки.

– Если бы мы знали, у нас был бы сантехник.

– Она открывает тому, кому нужно, – сказала Арканела уже тише. – Иногда человек входит за вещью. Иногда приносит вещь. Иногда ошибается адресом. Мы узнаём после.

– Арендодатель видит помещение?

– Со двора.

– Налоговая?

– Видит декларацию, – сказала Таролина. – Этого ей достаточно.

– Покупатели?

– По-разному.

– Как вы платите аренду?

Таролина подошла к прилавку, достала из-под него папку. Внутри лежали счета, кассовые отчёты и письма из банка.

– Переводом. Ремонтируем колоды, продаём новые, оцениваем старые. Иногда музей берёт вещь на выставку и полгода согласовывает оплату. Чудеса в отчётности проходят как услуги по консервации.

Арканела поморщилась.

– Это неточная формулировка.

– Зато Finanzamt понимает.

На краю стола лежал открытый пакет дешёвого тостового хлеба. В раковине стояла кастрюля с засохшей гречкой. Рядом с матрасом Ася увидела второй, ещё в упаковке, прислонённый к стене.

– Вы здесь живёте?

– Пока, – ответила Таролина. – Квартиру рядом обещали с первого числа. Потом с пятнадцатого. Теперь хозяин перестал отвечать. А по утрам у нас очередь в душ.

Мур поднял голову.

– Полная картина не требуется.

– Ты моешься языком, тебе легко.

Арканела положила ладонь на папку со счетами.

– Я верну деньги за мастера, когда поступит оплата музея.

– Не надо, – сказала Ася.

– Долг должен быть записан.

– Запишите, если вам станет легче.

– Уже записан, – сообщил Мур.

Таролина повернулась к нему:

– Когда?

– В момент возникновения обязательства.

– Ты записал счёт, которого ещё нет, но за три дня не нашёл человека с ключом от вентиля?

– У архивиста и домоуправа разные обязанности.

Таролина сняла с прилавка яблоко и бросила в него. Мур увернулся; яблоко ударилось о книжный корешок и упало на пол.

Ася засмеялась громче, чем собиралась. Таролина подхватила. Через секунду фыркнул Мур, хотя потом утверждал, что чихнул от пыли.

Арканела не смеялась. Она подняла яблоко, проверила, целое ли, и положила обратно на прилавок.

– Чай? – спросила она.

– Чай, – согласилась Ася.

Они пили его в подсобке из разных чашек. Ведро стояло между матрасами и принимало капли. Разговор держался подальше от двери и мастера.

7. Передача

В понедельник Анна прислала Асе текст письма, которое собиралась отправить команде.

Первые два абзаца сообщали о завершении проекта. В третьем было написано, что после двух успешных лет Ася решила продолжить профессиональный путь самостоятельно. Компания благодарила её за вклад и желала удачи.

Ася прочитала письмо дважды.

– Есть правки? – спросила Анна из-за перегородки.

– Есть.

Она открыла режим исправлений и заменила одно предложение. Получилось: *Срочный договор Аси Соколовой заканчивается 31 декабря и не будет продлён после прекращения финансирования проекта.*

Анна подошла к её столу.

– Обязательно писать так жёстко?

– Это правда.

– Тоже можно сказать по-разному.

– Поэтому ты прислала мне текст.

Анна подтянула свободный стул и села.

– Пойми, письмо останется в общем архиве. Формулировка выглядит так, будто мы тебя увольняем.

– Вы меня не увольняете. Договор заканчивается.

– Именно.

– Так и написано.

Анна сняла очки и протёрла стекло краем свитера.

– Я хотела дать тебе более сильную позицию. Решение уйти всегда выглядит лучше.

– Для кого?

– Для следующего работодателя.

– Следующий работодатель не читает наши внутренние письма.

Анна надела очки.

– Хорошо. Можно мягче: финансирование проекта завершено, поэтому компания расстаётся с Асей в конце года.

– Компания со мной не расстаётся. Она не продлевает договор.

– В немецкой версии будет тяжело.

– В немецкой версии это одна строка.

Ася написала: *Asjas befristeter Vertrag läuft zum 31. Dezember aus und wird nach dem Ende der Projektfinanzierung nicht verlängert.*

Анна прочла.

– Ты уже всё решила.

– Да.

– Тогда зачем мы разговариваем?

Анна откинулась на спинку стула. Ася подняла глаза.

– Чтобы письмо отправила ты, – сказала она.

Анна вернулась к себе. Через десять минут письмо ушло команде с Асиной формулировкой.

После обеда началась передача файлов. Новый руководитель проекта, Марк, был доброжелателен, быстро записывал и трижды называл папку с правами на изображения «разрешениями». Ася поправила два раза, на третий

промолчала. Она показала структуру архива, список договоров, таблицу оплат и место, где дизайнеры обычно забывали проверить подписи.

– Ты всё это сама построила? – спросил Марк.

– Вместе с командой.

– Но система твоя?

– Моя.

Он записал её имя рядом с названием таблицы. Ася заметила и продолжила объяснять.

В папке с распечатанными согласиями лежала карта Дурака. Она использовала её как закладку утром и забыла убрать. Марк коснулся края.

– Ты увлекаешься таро?

– Нет.

– А это?

– Чужое.

Она забрала карту и положила в блокнот.

Вечером Сабина прислала проект Arbeitszeugnis. Текст был хорошим, оценка скрывалась в привычных оборотах. Ася исправила название одного проекта и вернула документ без спора.

По дороге домой она увидела лавку из автобуса. Выходить было поздно; двери уже закрывались. За витриной Таролина стояла на стремянке и вешала над прилавком бумажную звезду. Арканела держала стремянку. Мур сидел на верхней полке и руководил.

Ася проехала дальше.

Карта лежала в блокноте у неё на коленях.

8. Кот, которого не дописали

К следующему четвергу у Аси было одиннадцать страниц распечаток.

Она начала с библиотечного каталога, потом нашла цифровое издание «Житейских воззрений кота Мурра», письма Гофмана и статью о домашнем коте. Извещение о его смерти существовало в нескольких вариантах. Гофман разослал друзьям пародию на официальный документ и при этом горевал по-настоящему. Роман вышел двумя томами, третий остался обещанием.

Ася сложила листы в прозрачную папку. Карта Дурака лежала сверху.

В лавке пахло жареным луком. Таролина готовила на плитке в подсобке; Арканела штопала у лампы чёрный чулок. У Мура на шее был завязан клетчатый платок.

– Что с вами? – спросила Ася.

– Ничего.

– Он простыл, – сказала Таролина.

– Коты не простужаются.

Мур чихнул.

– Пыль.

– Я проветривала.

– Вот именно.

Ася положила папку на прилавок.

– Я подготовилась.

Мур посмотрел на толщину папки и сел прямее.

– По какому вопросу?

– По вашему.

– Наконец-то разговор, соответствующий уровню учреждения.

Таролина высунулась из-за занавески:

– Ужин через десять минут. Постарайтесь разрушить его самооценку до подачи.

Ася достала первый лист.

– Вы утверждаете, что жили у Гофмана?

– Я сообщил, что он был моим биографом.

– В прошлый раз назвали адрес его квартиры.

– Историческая точность требует адресов.

– Вы помните квартиру?

– Разумеется.

– Какую?

Мур облизнул нос.

– На углу Таубенштрассе и Шарлоттенштрассе. Окна, письменный стол, печь, которую топили без уважения к потребностям литературы.

– Гофман жил там с 1815 года. Реальный кот умер в 1821-м. Сколько ему было лет?

– Достаточно, чтобы составить мнение о печках.

– А вы говорите, что считаете возраст с 1821 года.

Мур посмотрел на Арканелу. Та не подняла головы от чулка.

– Продолжайте, – сказал он.

– В романе Мур пишет автобиографию на оборотах биографии Крейсера. Части смешиваются при печати. Литературный Мур существует до смерти настоящего кота. Если

вы настоящий кот, вы должны помнить жизнь до 1821 года. Если литературный – у вас нет тела, которое сидело у печи. Если вы оба, это удобный ответ, но он ничего не объясняет.

– Прекрасно объясняет сложность предмета.

– Вы помните Дёнхоффплац?

– Конечно.

– Гофман жил там сразу после возвращения в Берлин. В 1814 году. Вы там были?

– Я... – Мур остановился. – Я знаю помещение.

– Помните или знаете?

В подсобке зашипела сковорода. Таролина убавила плитку и больше не вмешивалась.

Мур спрыгнул с пледа, прошёл по прилавку и сел на папку.

– Это различие, мадам, я впервые провёл значительно раньше вашего рождения.

– Тогда ответьте.

– Улица была иной. Площадь исчезла. Адреса менялись, дома сносили, названия переставляли, будто таблички способны исправить прошлое. Человек, проживший достаточно долго, помнит место несколькими способами.

– Это снова длинный ответ.

Мур отвернулся. Клетчатый платок на его шее завязали слишком большим узлом; концы торчали в разные стороны и портили достоинство позы.

– Я помню запах комнаты, – сказал он. – Дешёвое мыло, мокрую шерсть, яблочную кожуру возле печи. Помню, как хозяин кашлял по ночам и ронял перо. Помню, что с подоконника было видно два окна напротив и кусок неба. Но я читал его письма. Читал дневники. Видел рисунки. Возвращался

туда после. Какой из этих слоёв вы требуете вынуть и положить отдельно?

– Тот, которому можно верить.

– Тогда вам нужен другой свидетель.

Он чихнул и сердито вытер нос лапой.

Ася достала лист с извещением о смерти кота.

– Это про вас?

Мур узнал страницу раньше, чем посмотрел.

– Про кота.

– Вас звали одинаково.

– Это было распространённое имя среди выдающихся котов.

– Гофман написал, что его Мур умер утром тридцатого ноября.

– Я умею читать.

– А потом умер сам, не закончив третий том.

– Через семь месяцев.

Ася убрала лист.

– Вы боитесь, что вас придумали?

– Меня напечатали. Это гораздо хуже. Придуманный ещё принадлежит автору, напечатанный достаётся каждому.

Аркианела отложила чулок.

– Мур появился у нас с пачкой страниц. Часть была исписана его рукой, часть – рукой Гофмана. Мы не знаем, вышел ли он из книги, из памяти о коте или из ошибки между ними.

– Зато ты называешь его свидетелем, когда тебе нужен свидетель, – сказала Таролина.

Она принесла сковороду и поставила на подставку. Лук подгорел по краям.

– А когда он помнит не то, говоришь, что память несовершенно.

– Память несовершенно всегда.

– Особенно удобно, если ты распоряжаешься её смыслом.

Арканела сложила чулок вчетверо. На прилавке лежали Асина папка, сковорода, кассовый терминал, моток ниток и Дурак. Порядка больше не было, и Арканела держала руки на коленях.

– Я считаю, Ася могла бы записывать наши истории, – сказала она.

Ася открыла рот, но Таролина ответила первой:

– Ася могла бы сама решить, что ей записывать.

– Я сказала «могла бы».

– После того как дала карту и знала имя.

– Имя знала лавка.

– Лавка не разговаривает твоим голосом.

Мур спрыгнул с папки.

– Для протокола: предмет обсуждения находится в комнате.

– Спасибо, – сказала Ася. – Хоть кто-то заметил.

Арканела посмотрела на неё.

– Простите.

Ася села на высокий стул у прилавка.

– Обещаний не будет. Доверия пока тоже.

– Разумно, – сказал Мур.

– Включая вас.

– Излишне, но допустимо.

Таролина разложила еду по тарелкам и одну поставила Асе. Спрашивать, останется ли она на ужин, Таролина не стала.

– Лук сгорел, – предупредила она.

– Вижу.

– Арканела скажет, что это знак.

– Я скажу, что ты взяла слишком сильный огонь, – ответила сестра.

Они ели на прилавке. Мур получил курицу без лука и объявил её пересушенной, потом доел всю.

Перед уходом Ася дописала на листе о Дёнхоффплац: *Мур знает место. Неясно, помнит ли лично.*

Он прочитал через её руку.

– Добавьте: свидетель возражает против формулировки.

Ася добавила.

9. Когда нужно

В понедельник пришёл счёт за выезд мастера. Ася оплатила его и переслала квитанцию Таролине, закрыв сумму пальцем на снимке.

Я всё равно вижу итог, – ответила Таролина.

Через минуту пришло второе сообщение:

Записала как долг. Арканела счастлива.

Во вторник Мартин спросил, когда забрать инструменты. Ася написала: *Нужны до конца недели.* Он ответил поднятым большим пальцем и больше ничего.

В среду ей назначили первое собеседование. Маленький фонд искал руководителя цифровых проектов; обязанности почти совпадали с её нынешними, договор обещали бессрочный. Ася открыла сайт фонда, прочла о команде, сохранила годовой отчёт и составила список вопросов. Раньше после такой подготовки она чувствовала, что жизнь снова поддаётся. Теперь перед ней просто лежал хороший список.

В четверг она пришла в лавку без папки.

На двери висела бумажка: *Bitte kräftig ziehen.* Ася потянула сильнее. Колокольчик звякнул, дверь задела край ковра.

Таролина стояла на коленях в подсобке и смотрела на медную трубу.

Ведро было пустым.

– Перестало? – спросила Ася.

– Утром.

На муфте сохранился зелёный след, но вода не собиралась. Таролина провела сухим пальцем под соединением и показала.

– Вентиль открыт. Давление есть. Хозяин ничего не делал.

– Может, отложения затянули щель.

– Может.

– Всё равно нужен мастер.

– Нужен.

Они ещё немного посмотрели на трубу. Потом Таролина вынесла ведро и поставила у двери, чтобы вернуть во двор.

Арканела сидела за прилавком. Перед ней лежала узкая доска с семью старинными картами, прикрытыми тонкой бумагой. Мур спал рядом, засунув нос под лапу; клетчатого платка уже не было.

– Я хотела спросить, – сказала Арканела, – согласитесь ли вы в следующий четверг посмотреть одну вещь.

– Какую?

– Карту. Она старше той, что у вас. Мы спорим о её происхождении.

– Вы хотите, чтобы я решила спор?

– Нет. Хочу услышать, что вы заметите.

Таролина повесила ведро на крючок.

– Предупреждаю: одной картой они начинают, а через месяц у тебя в голове живут итальянские герцоги, французские печатники и человек, который придумал Египет, сидя в парижской гостиниой.

– Человек не придумал Египет, – сказала Арканела.

– Уже началось.

Ася вынула Дурака из блокнота и положила на прилавок.

– Сначала заберите это.

Арканела коснулась карты двумя пальцами.

– Вы хотите вернуть?

– Пытаюсь две недели.

– Я спрашиваю сейчас.

Ася посмотрела на человека с узлом. За эти дни карта побывала в её столе, сумке, папке с передачей проекта и на столике кафе рядом с ключом Мартина. Бумага оставалась чужой, края она уже узнавала на ощупь.

– Да, – сказала Ася. – До следующего четверга.

Арканела кивнула и убрала карту под стекло прилавка.

Мур открыл глаза.

– Поскольку обсуждается возможное использование свидетельства, прошу заранее определить правила цитирования.

– Я ничего не записываю.

– Вы пришли с одиннадцатью страницами.

– Это исследование.

– Так всегда начинается.

Таролина поставила чайник.

– Останетесь?

Ася посмотрела на часы. Дома ждали инструменты Мартина, годовой отчёт фонда и две рубашки, между которыми она собиралась выбрать для собеседования.

– На один чай.

Они пили чай у прилавка. Арканела чинила край коробки, Таролина заполняла кассовую книгу, Мур вычёркивал что-то из протокола. Разговор шёл о мастере, который не увидел дверь, о банковской выплате и о том, где дешевле купить второй матрас. Старые карты пролежали под бумагой до Асиного ухода.

На улице Ася проверила карман.

Дурак был там.

Она посмотрела на витрину. Арканела за стеклом подняла пустые руки. Таролина увидела карту, закрыла лицо ладонью и рассмеялась. Мур подошёл к стеклу, встал задними лапами на книги и внимательно осмотрел карман Аси с другой стороны.

Ася могла вернуться. Дверь находилась в двух шагах.

Она убрала карту, достала телефон и открыла календарь. Следующий четверг был свободен.

В восемнадцать часов Ася создала запись: *Вернуть карту.*

Потом пошла домой.

Конец первой тетради

© Лиля Сперанская, 2026

Сцены из лавки — по вторникам в Telegram: t.me/pereputje, тег #пишу_книгу

pereputje.com